

Научные дискуссии

Б. М. Бим-Бад

**ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ
КУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ
ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**
(стенограмма выступления
на Первом национальном форуме
российских историков педагоги-
ки, Москва, 25 апреля 2013 г.)

УДК 37
ББК 74.00

В статье представлена стенограмма пленарного доклада академика РАО Б. М. Бим-Бада на Первом Национальном форуме российских историков педагогики, проходившем в Москве 25 апреля 2013 года.

Ключевые слова: экзотеричность и эзотеричность культуры; эзотерика знания; образование как инструмент культурной регуляции.

B. M. Bim-Bad

**EDUCATION AS AN INSTRUMENT
OF CULTURAL REGULATION OF THE HISTORY
OF MANKIND**
(SHOPRT-HAND NOTES OF PRESENTATION
OF THE TALK GIVEN AT THE 1ST NATIONAL
FORUM OF RUSSIAN HISTORIANS OF PEDAGOGY,
MOSCOW, APRIL 25, 2013)

The article presents short-hand notes of the plenary talk by academician of the Russian Academy of Education B. M. Bim-Bad at the 1st national forum of Russian historians of pedagogy in Moscow on the 25 of April 2013.

Key words: exoteric aspect of culture; esoteric aspect of culture; exoteric aspect of knowledge; education as an instrument of cultural regulation.

Рассматривая образование как инструмент культурной регуляции человечества и истории современности, обратим внимание на ключевые слова. Понятие «образование» не нуждается в расшифровке, а вот понятие «культура» требует уточнения, так как существует гигантское множество определений — счет им идет на миллионы, и за каждым определением своя теория, своя история, свое понимание.

Для рабочего определения культуры мы используем трактовку, предложенную «Омаром Хаййомом» Муром. Был такой замечательный американский социолог Баррингтон Мур, которого родители «бессовестно» в детстве обозвали Омаром Хаййомом (по этому поводу, посещая Москву несколько раз, он неоднократно шутил). У Б. Мура есть такое определение культуры, которое схематически можно сформулировать следующим образом: культура есть нечто, обладающее свойствами накапливаться по ходу истории, благодаря другому своему свойству — преемственности. Культура — это то, чему можно научиться, и то, чему можно научить. Вот эти два удивительных свойства культуры делают ее достойной нашего внимания.

Б. Мур утверждает, что культура обладает свойством «заразности», она заражает и ее адептов, окружающих ее и ее составляющих — носителей, и новое поколение новых жителей Земли, новых посетителей этого общежития или гостиницы, которую мы называем планетой, и она обладает культурными объектами, т. е. она претворяется, она воплощается в том, что Мур называет

культурными объектами. Для нас это крайне важно. Культурные объекты — это все, что усваивается от кого-либо, что передается от поколения к поколению, от человека более опытного к человеку менее опытному.

Что объединяет, спрашивает Мур, положим, латинский язык, компьютерную программу, тензорное исчисление? Это возможность их изучить, им обучиться, усвоить эти области традиций. Элементами класса культурных объектов могут быть правила грамматики, правила членства воровской шайки, правило Бельканто и тому подобное. С этой точки зрения, культура это не нечто позитивное, культура может быть и сугубо разрушительной, и страшной, и чудовищной, и это тоже культура — культура коварства, например, восточного коварства, культура воровства, которой великолепно обучали Оливера Твиста и многих других в специальных школах, в Париже были и такие. Таким образом, культура — это все утонченное в том смысле, что не просто накопленное, а совершенствующееся на протяжении истории, становящееся все более и более изощренным и сложным. Вот это слово «сложное» тоже ключевое. Культура и в муровском очень ограниченном, узком понимании очень многосложна и многослойна, и поэтому доступ к культуре тоже зависит от степени ее сложности. И, стало быть, правила членства воровской шайки, как и любые другие правила, это тоже элемент культуры. Другой вопрос: как мы ее оценим..... и насколько мы захотим ею овладеть.

Вторым ключевым понятием является понятие «регуляция».

Собравшимся здесь историкам понятно, что любая образовательная акция, конечно же, есть тип и вид регуляции. Поскольку к разным слоям, к разным этажам многослойной культуры, какой бы она ни была, во всех ее ипостасях, нужен доступ, в этой необходимости доступа к усвоению культуры (возможностью усвоения культуры), важная роль принадлежит понятиям экзотеричности и эзотеричности культуры. Экзотерические знания — это знания, адаптированные к уровню развития и понимания широких народных масс; знания, преподнесенные в общедоступной форме; знания, являющиеся открытыми и доступными для всех.

Однако если мы обратимся к истокам образовательной истории, то увидим, что в доисторические, в дописьменные времена носителями эзотерической культуры были очень немногие люди, принадлежащие к верхушке племени, а экзотерическую преподавали в школах, дидактические принципы которых ничем принципиально не отличались от современных. В ходе подготовки к инициации молодежи внушалось, что их племя «лучшее на Земле» — избранное, особенное, рассказывалось о происхождении, обычаях и традициях племени, опасностях и запретах. Экзотеричность и эзотеричность культуры и есть тот раздел, который, по-моему, определяет историю образования. О том, что эзотерическая культура должна быть доступна только привилегированной верхушке любого сообщества, давно было известно в нашей (западной) традиции высокой культуры, я имею в

виду древнегреческую философию как минимум со времен Платона.

В его многокнижки «Государство», в его теории образования высшим и одновременно тайным, скрытым (от простых необразованных людей, например, от воинов, я уж не говорю о рабах) знанием, конечно же, могли обладать только каста жрецов или подобные им. Так, в Древнем Египте, бесспорно, жрецы были носителями эзотерической культуры. Со времен Аристотеля известно, что эзотерическая культура — тайная, высшая, говорящая о причинах мира и о его сущности — была настолько тайным знанием, что Александр Македонский, ученик Аристотеля, упрекал своего учителя в письме в том, что он (Аристотель) в письме к нему (Македонскому) выдал часть тайного эзотерического знака, чего было делать категорически нельзя, ибо почта весьма ненадежный инструмент для подобного рода информации.

Эзотерическое знание остается до сего дня достоянием подавляющего меньшинства людей, которые по происхождению и по условиям своего существования — досугу, богатству, связям и влиянию — получают разрешенный доступ к этому знанию не сразу, конечно, а в предполагаемой иерархии. По ступеням посвящения к высшим этажам эзотерического знания допускаются исключительно только посвященные в последней стадии.....

Известно, что, например, в одной из структур организации национал-социалистов «СС» доступ к эзотерическому знанию, к высшим ступеням

посвящения имели избранные, только узкий круг сверхдоверенных людей, а все остальные должны были довольствоваться массовыми брошюрками типа «Раса и почва» для обычных членов партии.

Одним из самых ярких примеров эзотерического знания является искусство властвовать. Доказательством тому служат труды Ксенофонта, одного из самых популярных и плодотворных авторов древности, писателя и историка, и при этом теоретика эзотеризма, носителя тайного мистического знания, его толкователя, хранителя и проповедника.

Совершенно не удивительно, что в одном из самых зрелых сочинений Ксенофонта «Киропедии» («Воспитание Кира»), которое считается одним из самых ранних трактатов по воспитанию, содержится довольно подробно разработанная теория демаркации эзотерического знания от экзотерического. Эзотерическим обладает сам Кир и его воспитанник Кир-младший, которому посвящена эта замечательная книга, а остальное становится достоянием масс, являясь основным инструментом доступа к экзотерическому знанию, т. е., условно выражаясь, к массовой школе. (Здесь необходимо уточнение: массовая школа появилась относительно недавно, — это продукт в лучшем случае конца XVIII, по-настоящему — XIX века. Если уж быть совершенно точным, то за точку отсчета можно взять 1870 год, год появления первого государственного закона о школах в Великобритании, но, разумеется, обоснование деятельности таких школ

можно найти и раньше, например, в Прусских законах о школах).

Возвращаясь к теме, следует отметить, что на протяжении тысячелетия, как минимум, и Библия как источник знания была недоступна широким массам не только в силу их неграмотности, но (и это один из инструментов сохранения границы между экзотеризмом и эзотеризмом) благодаря языку. Церковные службы велись исключительно на латыни.

В России сложилась аналогичная ситуация — служба велась на церковно-славянском языке, недоступном народным массам. Кроме того, консерватизм русской православной церкви был вполне обоснован, так как в Библии, и особенно Новом Завете, очень убедительно изложена теория коммунистической утопии и ее важнейшего принципа равенства людей перед Богом. Не секрет, что перевод Библии на народные языки (немецкий, английский) послужил толчком для усиления еретических учений, которые приобрели угрожающий характер, на что очень точно откликнулся А. С. Пушкин: «Зачем стадам дары свободы? Их должно резать или стричь». В данной логике большая часть людей, живущих на Земле, действительно не должна была знать ничего серьезного и высокого, потому что оно (эзотерическое) просто возмутительно и революционно для сознания обывателя. Это относится и к эзотеризму любой религии. Совершенно естественно, что, когда нашли способ идеологически преодолеть всевозможные чрезмерности Евангелия, христианства как религии

бедняков, как религии погибающих от голода и объединяющихся в монастыри для спасения в ходе совместного коммунистического труда и распределения, когда нашли способ объяснить, что делали высшие церковные иерархии, «когда Ева пряха, а Адам пахал», тогда перешли к индексу запрещенных книг. Индекс запрещенных книг — это список лучшего, созданного человеческими умами, что должно было быть скрыто от масс, доступ к чему должен быть строго дозирован. Вот в этом слове «дозирование» тоже содержится, по-моему, ключ к истории образования — чрезмерное ограничение доступа... Продолжением индекса запрещенных книг стали спецхраны.

Кому доставались «верхушки культуры» — эзотерическое знание? Немногим случайным счастливым, положим, Э. Д. Днепрову или Б. М. Бим-Баду, которые имели доступ к спецхранам, владели иностранными языками и на протяжении десятилетий читали строжайшим образом сокрытое от всех в гуманитарном наследии XX века и предшествующих ему. Я никак не мог понять в свое время, почему «Евгений Онегин» в спецхране оказался? Оказывается, он был с примечаниями В. Набокова. Впрочем, «Книга о вкусной и здоровой пище» тоже была в спецхране, так как в одном из ее изданий цитировался английский экономист Сэмюэл Бейли.

Иными словами, небольшая группа людей, чудом имевшая доступ к сокровенному знанию, могла (если хотела и имела способности) приобретать эзотерические пласты куль-

туры, которые всем остальным были недоступны. Орден Иисуса — великие иезуиты, создавшие потрясающие школы, тоже очень четко подразделяли знания на эзотерические и экзотерические. Другое дело, что в своих школах они допускали в содержание образования элементы сокровенного, божественного, спасительного знания, благодаря чему давали очень неплохое по своему времени образование, хотя и ориентированное на определенное меньшинство.

Обратили ли вы внимание на то, что в 1921 году В. И. Сталин написал заметку о коммунистической партии, о ее будущем: «Компартия, — писал он, — своего рода орден меченосцев, но внутри государства советского». Эту знаменитую заметку он опубликовал в 1952 году. На протяжении десятилетий он вынашивал план создания компартии как чего-то очень похожего на орден меченосцев (или организацию СС). Впрочем, независимо от этих идей, так оно и было на практике. Дело в том, что для элиты ЦК ВКП(б), а потом КПСС переводились некоторые запрещенные в нашей стране книги, например, «Майн кампф», они печатались очень ограниченным тиражом и были доступны крайне узкому кругу партийного руководства. Впрочем, и философы русского зарубежья тоже переводились, и можно было прочесть Аркадия Аверченко «Двенадцать ножей в спину революции», которую изволил похвалить даже В. И. Ленин, назвав ее «талантливой книжкой озлобленного белогвардейца». С этого и начались спецхраны нашей страны, с момента,

когда Ленин не смог перенести эти «Двенадцать ножей».

К примерам эзотерических знаний можно отнести и идеологическое воспитание, которое может рассматриваться как элемент в системе научного образования масс. Закономерности экономического прогресса человечества привели к пониманию необходимости просвещения масс в минимально допустимом объеме. Например, обучение грамоте, которой учили для того чтобы широкие массы имели доступ к официальной информации, чтобы они «пропитывались» официальной пропагандой и агитацией, чтобы ими было легче манипулировать, формировать так называемое «общественное мнение». Вместе с тем, в начинающейся истории школьного образования парадоксальным образом возникают побочные развивающие эффекты. Например, учат счету для того, чтобы рабочие могли подсчитать, сколько вагонов нагрузили сегодня, а оказывается, что навыки счета используются для понимания сложных интеллектуальных схем. А если уж говорить о так называемых знаниях основ наук, то тут возникает «трагическая» ситуация, состоящая в противоречивости эзотерического и экзотерического компонентов многосложной и многопластовой культуры. Ситуация, которая не один век, с момента вынужденного создания государственных школ, является фактором дестабилизации и «вынужденного творчества» для чиновничества. Вынужденного потому, что надо было вырвать образование из рук церкви, полностью подчинить государству,

сделать абсолютно подконтрольным. С этого момента все чиновничество мучительно бьется в попытке ограничить доступ к образованию только самым необходимым объемом знаний для труда, в основном ремесленного — ограничить, не допустить, но при этом не может оставить массы без элементарного образования. С этого момента история школы превращается в историю колоссального чиновничьего эксперимента по выработке особой чиновничьей, бюрократической педагогики, не имеющей ничего общего с педагогикой, которую мы изучаем, с педагогикой, которую нам преподносят как единственную, т. е. с историей эзотерической педагогики, педагогики истинной, честной. Чиновничья не имеет с ней ничего общего, она занята тем, что постоянно сталкивается с провалами, с трудностями.

Невероятно тяжело ограничивать доступ к культуре и вместе с тем обеспечивать текущую экономическую необходимость. Об этой дилемме еще в 1909 году писали А. Зеленко и С. Дурылин в журнале «Свободное воспитание», отмечая, что вся история русской школы — это история страшного бюрократического эксперимента, в ходе которого калечатся судьбы и уничтожается все лучшее в интеллектуальном потенциале народа. Условно говоря, бюрократическая педагогика стеной отделена от педагогики Я. А. Коменского или И. Песталотти, или Дж. Дьюи, тех преданных гуманистическим идеалам людей, которые, создавая новую школу, отбрасываются на ее периферию, становясь «разре-

шаемыми» властью с ограниченными возможностями применения нового, как, положим, опыт Вальфдорской педагогики.

Если от истории нашей массовой школы перейти к ее сегодняшнему состоянию, что же такое наша общеобразовательная массовая школа? Это то, что не имеет ничего общего ни с легендами о ней, ни с официальной пропагандой. Тезис о том, что советская школа была лучшей в мире лишь потому, что она обеспечила атомную бомбу, спутник и космические полеты — это, мягко говоря, неправда. В реальности, массовая школа обеспечивала тех, кто, выполняя распоряжения начальства, работал по чертежам привилегированного интеллектуального меньшинства, поначалу собранного по приказу Берии в колониях, поселениях и тюрьмах и выполнявшего военнотехнические разработки, необходимые государству, под страхом расстрела. И господа, севшие на электрический стул, укравшие атомную бомбу для нашей страны в США — супруги Джулиус и Этель Розенберги, и доработчики этой бомбы в нашей стране, конечно, не имели никакого отношения к массовому образованию ни американскому, ни советскому. Школа всегда готовила исполнителя. С чем она блестяще справлялась и справляется сейчас — это с тем, чтобы сломать человека, выбить из него свободомыслие и научить его подчиняться приказам. Учитель — это модель первого начальника в жизни человека, и позиция «я начальник — ты дурак» в школьной среде означает воспитание подчинения, чинопочитания. С этим

настолько блестяще справлялась тоталитарная школа, что спустя долгие годы после того, как в ней произошли некоторые перемены, на протяжении многих десятилетий продолжают жить люди обманутые, убежденные в истинности полученного знания, наученные этой школой, во-первых, в понимании истории, а во-вторых, привыкшие к тому, что государство — это спаситель человечества.

Однако логика научной мысли, логика математических и строгих доказательств — все это развивало и развивает от природы умных ребят, которые имеют навыки анализа и критического мышления, сомневаются в лозунгах, призывах и оценках, ищут не пропагандистскую информацию, а объективную статистику, сравнивают, делают выводы. Пусть их всегда меньшинство, но именно этим меньшинством всегда прогрессировала наука, преемственно вырастала интеллигенция. Работая над понятием, выстраивая цепочку идей даже в рамках скромных теорий, учитель создавал логический инструментарий, что никогда не было официальной целью. Напротив, ученик был обязан только воспроизводить доказательство точно по учебнику или со слов учителя. Попробуйте доказать теорему Пифагора не так, как это изложено в учебнике, это возможно, но побочным продуктом учения становится зерно самостоятельной мысли. И если зерно попадало на плодородную почву, происходило то же, что происходило и с обучением грамоты. Здесь можно даже читать «Героя нашего времени», чтобы «запустить рефлекссию», имен-

но поэтому сейчас некоторые чиновники активно выступают против рефлексивно-критической направленности русской классической литературы XIX века.

Но главное, с чем всегда справлялась школа и до сих пор справляется отлично — это в попытке не допустить элементы эзотеризма, уничтожая «почемучество». В школу поступают дети, у которых еще не исчезла природная естественная любознательность. Иногда на протяжении уже первого года обучения от нее не остается ничего. Школа уничтожает потребность в вопрошании, а без вопрошания невозможно наука, невозможен ее прогресс. Наука есть не что иное, как вечный спор, вечное противодействие. И обучение науке есть введение в современную картину научных дискуссий. Но сама дискуссия становится невозможной, если от человека требуется повторять разрешенное, если критерием оценки становится дословный пересказ официальных догм.

В понимании трагической истории школы вторая половина XX века нам дала очень многое. Я бы на первое место поставил работу М. Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Потому что то, что он анатомия больницы, системы медицинской помощи, здравоохранения самым непосредственным образом относится и к образованию. Неввероятно близко тюрьма, школа, больница. Вот инструменты пенального, насильственного, убийственного сообщества, которое по-прежнему, как и в далекие времена, конечно, разделено на массы и командира.

Я готов показать историю того, как внешний стимул «умственного дисциплинирования» и требования «механического запоминания» уничтожают в человеке остатки способности мыслить. Благодаря «умственному дисциплинированию» все неясное, непонятное и недоказанное становится для обучающихся окончательно ясным, понятным и доказанным, ибо дисциплина требует признания его доказанным, понятным и ясным. «Умственное дисциплинирование» осуществляется в массовой школе с помощью дрессуры, поощрения и наказания. Но этого дружно требует не только школа, но и родители, которые вышли из той же школы, и которые ею же и заражены. И старшеклассники, которые уже совершенно ясно сознают роль поплавка в их ближайшем обозримом будущем, в необходимости диплома, в необходимости экзаменов, в необходимости трамплина для прыжка в высшую школу и т. д. И все общество радостно подкидывает чепчики, приветствуя героев общеобразовательной школы нашего времени.

Я, конечно, не Пифия, но не могу отказать себе в удовольствии выступить в роли пророка. Поскольку задача соединения действительно научного образования с задачами производственными усложняется, то (мы видим это уже сейчас) бюрократические реформы будут тоже усложняться, будут продолжаться и все время непрерывно проваливаться. Проваливаться, потому что они противоречат природе человека и действенным путям очеловечивания подрастающих поколений.